

ГУБЕРНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ НАКАНУНЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

П. А. Зайончковский

Канун Крымской войны (конец 40-х — начало 50-х годов XIX в.) — период глубочайшего загнивания всей системы самодержавия — характеризовался повальным взяточничеством, казнокрадством, безудержной ложью и лицемерием. Тем звеном государственного аппарата, где наиболее широко процветало взяточничество и воровство, являлась губернская администрация. Недаром Н. В. Гоголь и М. Е. Салтыков-Щедрин отводили «губернскому начальству» столь большое место в своих произведениях.

Процесс всеобщего «мздоимства» и «лихоимства» почти не находит отражения в официальных ведомственных документах — во всеподданнейших отчетах III отделения (где вопросы коррупции и государственного аппарата даже не поднимались¹), в министерских и губернаторских отчетах. Лишь из приложений к годичным отчетам министерства юстиции, а именно из ведомостей о лицах, привлечавшихся ежегодно уголовными департаментами Сената и губернскими палатами уголовного суда за должностные преступления, явствует, что число последних ежегодно возрастало. Однако в ведомостях говорилось о чиновной мелюзге; высшего звена губернской администрации они почти не касались.

По многочисленным отзывам современников, взяточничество и казнокрадство, с точки зрения чиновной морали, были обычными явлениями и не встречали осуждения окружающих. Более того, донесения о них вызвали отрицательную реакцию. Так, начальник II округа жандармов генерал С. В. Перфильев писал шефу жандармов по поводу сообщения одного из штаб-офицеров корпуса о взяточничестве председателя Костромской палаты государственных имуществ, а также других лиц: «Я не утверждаю, чтобы они были не укоризнены на счет выгод от службы, но кто без греха и о ком из губернских чиновников не говорят того же или подобное»². И это мнение не частного лица, а одного из руководящих чинов корпуса жандармов! Сенатор М. Б. Веселовский в «Записках», рассказывая о своей службе в Нижегородском губернском правлении и касаясь массового взяточничества и казнокрадства во всех звеньях губернской администрации (от губернатора до столоначальника) в конце 40-х — начале 50-х годов XIX в., замечает: «Даже и те, которые были

¹ В 1832 г. шеф жандармов А. Х. Бенкендорф направил секретное предписание штаб-офицерам корпуса жандармов сообщать сведения о губернской администрации, точнее, «о лицах, заслуживающих внимания правительства». Эта формула давала возможность толковать ее очень широко, но, как правило, в поступавших сообщениях фигурировали губернатор, вице-губернатор, председатели казенной, уголовной и гражданской палат, прокурор, а иногда и архиерей. Подобные сведения поступали, начиная с 1844—1845 до 1863—1865 годов. В большинстве своем в них содержались стандартно положительные характеристики и лишь в некоторых случаях — данные о злоупотреблениях администрации (ЦГАОР СССР, ф. III отд. I эксп., д. 244, чч. 1—56).

² Там же, д. 247, ч. 20, л. 52.

непричастны к этой операции, люди вполне бескорыстные [...] относились к извлечению побочных доходов от службы снисходительно»³.

Цель данной статьи — выяснить, что представляла собой губернская администрация России в период кризиса феодальной системы в середине XIX века. При этом рассматриваются следующие ее представители: губернаторы, вице-губернаторы, председатели казенных палат, управляющие палатами государственных имуществ, прокуроры и председатели палат уголовного и гражданского суда. Основными источниками исследования служат формулярные — послужные списки представителей губернской администрации, материалы III отделения, а также воспоминания и дневники разных лиц.

Формулярные списки⁴ — единственный источник, дающий возможность анализировать состав государственного аппарата дореволюционной России. Эти списки позволяют выяснять следующие данные о представителях губернской администрации: а) чин, б) наличие придворного звания; в) год рождения; г) время пребывания в данной должности; д) вероисповедание, что дает возможность судить о национальном составе, имея в виду, что православные, за редким исключением⁵, являются русскими в дореволюционном понимании этого слова (русские, украинцы и белорусы), лютеране — немцами, а католики — поляками; е) сословие; ж) образование (высшее, среднее, низшее и домашнее)⁶; з) имущественное положение. Материалы III отделения — донесения губернских штаб-офицеров при всем их несовершенстве служат важным источником; они впервые вводятся в научный оборот для изучения состояния губернской администрации.

По учреждению о губерниях 1775 г. во главе губернии стояли наместник (генерал-губернатор) и губернатор. Первый был представителем верховной власти, второй — администратором. После 1797 г., когда наместники были ликвидированы, «хозяином» губернии, представителем верховной власти в ней становится губернатор. Его права особенно увеличиваются во второй четверти XIX века. Согласно наказу губернаторам от 3 июня 1837 г., «гражданские губернаторы, как непосредственные начальники вверенных им высочайшею волею губерний, суть первые

³ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (ОР ГПБ), F IV—861, л. 290. Массовое казнокрадство наблюдалось не только в гражданском, но и в военном ведомстве и также почиталось обычным явлением. Так, генерал И. С. Вдовиченко в своих «Записках о Крымской войне» пишет: «Полковые и батареинные командиры в прошлую кампанию в Княжествах придунайских (в 1853 г.— П. З.) так набили себе карманы и поряточные куши отправили в Московский Опекун[ский] Совет, о чем когда узнал кн. Горчаков, то хотел назначить следствие. Насилу его отговорили приближенные, что так водилось всегда» (ОР ГБЛ, ф. Муз. собр., д. 2775, л. 72). Многочисленные источники подтверждают это положение.

⁴ Формулярные списки лиц губернской администрации находятся в Центральном государственном историческом архиве СССР в фонде — коллекции этих списков, ф. 1349. Они обработаны по предложенной мною схеме научным сотрудником этого архива И. Е. Шуббе.

⁵ Среди рассматриваемых более 250 лиц православных было 200, из них только один являлся грузином, а все остальные — русскими.

⁶ Если в сведениях об образовании отсутствуют об этом данные, то при подсчетах такие лица отнесены к разряду тех, кто получил домашнее образование. Лица, не закончившие университет или гимназию, не выделяются, а рассматриваются наряду с окончившими эти заведения. Что касается домашнего образования, то в начале века оно являлось единственной формой (университетская и гимназическая система образования складывается только после 1804 года). Домашнее образование было неоднородно. В отдельных случаях оно превосходило университетское, но в подавляющем большинстве включало в себя: знание иностранных языков (притом довольно поверхностное), несистематическое знакомство с литературой, историей, географией и сведениями из математики (в лучшем случае ограниченное полным курсом арифметики).

в оных блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, польз государства и повсеместного точного исполнения законов, уставов, высочайших повелений, указов Правительствующего Сената и предписаний начальства»⁷. Положение губернаторов было двойственным. С одной стороны, их назначал сам царь, они представляли на «высочайшее имя» ежегодные отчеты о состоянии губернии и как бы подчинялись непосредственно императору, с другой же — они являлись чиновниками министерства внутренних дел и, естественно, находились в фактическом подчинении у министра. Губернаторы обладали не только административными функциями, но и распространяли свою власть на судебные органы: наблюдали за их деятельностью, производили ревизию судебных мест и утверждали приговоры уголовных палат по некоторого рода делам.

Однако (в столицах и на окраинах) и в рассматриваемый период продолжал существовать также институт генерал-губернаторов, стоявший вне губернской администрации. Генерал-губернаторы являлись представителями чрезвычайного надзора и подчинялись непосредственно императору. В середине XIX в. насчитывалось 10 генерал-губернаторов (виленский, гродненский, ковенский и минский; витебский, моголевский и смоленский; наместник кавказский и генерал-губернатор новороссийский и бессарабский; киевский, волынский и подольский; лифляндский, эстляндский, курляндский; московский; черниговский, полтавский и харьковский; петербургский; западносибирский; восточносибирский). В тех губерниях, где существовал институт генерал-губернаторов, они образовывали искусственное средостение между губернской администрацией и верховной властью. Все генерал-губернаторы, естественно, были генералами, а следовательно, как правило, людьми недостаточно знакомыми с организацией административной власти. К тому же многие из них были элементарно невежественны.

Власть их, по существу, ничем не была ограничена. Например, московский генерал-губернатор А. А. Закревский буквально терроризировал столицу. «Я, кажется, говорил о том самовластном управлении и презрении ко всякому законному порядку, коими отличается теперь Закревский в Москве», — заносит в свой дневник член Государственного совета М. А. Корф 22 мая 1850 года⁸. Самодурство и произвол Закревского достигали гигантских размеров⁹. Даже после смерти Николая I и окончания Крымской войны, когда поведение административных властей изменилось, Закревский держал себя по-прежнему. Один из московских друзей А. И. Герцена писал в 1857 г. в «Колокол»: «В то время как вся Россия начинает несколько отдыхать от страшных времен, пережитых ею, здесь по-прежнему продолжает господствовать возмутительное бесправие: редкий день проходит без того, чтобы не разнесся слух о каком-нибудь новом самодурстве Закревского или грабительстве его приближенных»¹⁰.

Невежественным самодуром был и виленский генерал-губернатор И. Г. Бибииков. Один из чиновников, служивший в северо-западных губерниях, Н. П. Боголюбов, в своих воспоминаниях отмечал, что он был «ума недалёного, болтлив, бестактен и уверен в превосходстве своем над всеми ему подвластными до такой степени, что не допускает малейших противоречий. Прибавьте к этому полнейшее неведение в администрации и делах гражданских, так как служба его при великом князе (Михаиле Павловиче. — П. З.) далее выправки солдатских носков и пригонки амуниции не заходила»¹¹.

⁷ ПСЗ. 2 собр. Т. XII, § 10303.

⁸ ЦГАОР СССР, ф. Собрания рукописей Зимнего дворца, д. 1817, ч. XIII, л. 24.

⁹ О Закревском см. многочисленные упоминания в «Колоколе».

¹⁰ «Колокол», л. 5, 1 ноября 1857 г.

¹¹ ОР ГБЛ. ф. Муз. собр., д. 3196, л. 151. Прибалтийский генерал-губернатор А. А. Суворов, внук великого полководца, также не отличался познаниями в делах адми-

Полнейший произвол существовал на Правобережной Украине в период управления этим краем генерал-губернатора Д. Г. Бибикова, впоследствии министра внутренних дел (родного брата И. Г. Бибикова)¹².

Наиболее близким к нему человеком был чиновник особых поручений (впоследствии правитель его канцелярии) Н. Е. Писарев. Он брал взятки в размере десятков тысяч рублей, облагая ежегодной данью губернаторов, а тех из них, кто не подчинялся его распоряжениям, не утверждал в должности¹³. В фонде III отделения имеется специальное дело «О лихоимстве чиновника для особых поручений при киевском генерал-губернаторе Писарева»¹⁴, из которого видно, что в 1840 г. он получил от польских дворян, замешанных в деле Конарского¹⁵, 46 тыс. руб., а в 1847 г. от волынских помещиков в связи с введением инвентарей — 35 тыс. рублей. По поводу последней суммы начальник IV округа жандармов генерал П. Ф. Буксгевден доносил шефу жандармов: «Волынские помещики, привыкшие к тому, что управление Киевским генерал-губернаторством основано на безнравственности интереса в высшей степени, решились [...] принести жертву и собрать с губернии тридцать пять тысяч рублей серебром, определенную главным преступником долговременных лихоимств в киевском генерал-губернаторстве камергером Писаревым»¹⁶. Все это было известно Николаю I, однако никаких мер не принималось. Более того, в середине 40-х годов XIX в. Писареву «высочайше» было пожаловано придворное звание камергера, а в на-

нистрации. «Болтун, без малейшего знания в гражданской части и тем более в остзейских законах», — писал о нем М. А. Корф в своем дневнике (ЦГАОР СССР, ф. Собрания рукописей Зимнего дворца, л. 1817, ч. IX, л. 109). Примерно так же отзывается о нем и Д. А. Милютин в своих «Воспоминаниях» (ОР ГБЛ, ф. Милютина, к. 10, д. 26, л. 86). Вместе с тем Суворов был честным и благожелательным человеком.

¹² Как рассказывает в своих воспоминаниях правитель дел канцелярии киевского генерал-губернатора Э. И. Стогов (свидетельства которого, по словам современников, отличались правдивостью). Д. Г. Бибиков, занимавший пост генерал-губернатора в Киеве в течение 15 лет, до 1852 г., отличался редкой безграмотностью. «Наук он не знал никаких, говорил по навыку по французски и немецки [...], но писать не умел ни на каком языке. По русски до того плохо знал грамоту, что не умел и строки написать без руководства [...] Арифметику Бибиков вовсе не знал [...] Я готов держать пари, что он до смерти не верил, что можно сложить $\frac{1}{2}$ с $\frac{1}{3}$ [...] Историю, географию совершенно не знал» («Русская старина», 1905, кн. VIII, стр. 337—338). (Надо заметить, что в «Русском биографическом словаре» в статье о Д. Г. Бибикове говорится, что он получил «блестящее домашнее образование».) Однако при всем этом он был человеком неглупым, являлся инициатором ограничения эксплуатации помещиками крепостных на Правобережной Украине, что нашло свое выражение во введении инвентарей. Правда, они не оказали никакого влияния на положение в деревне, но в этом Д. Г. Бибиков не был виноват.

¹³ Так, в течение нескольких лет не утверждался в должности управляющий Подольской губернией генерал-майор А. А. Радишев, сын А. Н. Радишева, отказывавшийся платить дань Писареву. Спустя некоторое время Радишев был назначен ковенским губернатором (см. Н. П. Боголюбов. Из виденного, слышанного и испытанного. ОР ГБЛ, ф. Муз. собр., л. 3196, л. 146). Штаб-офицер корпуса жандармов по Подольской губернии в донесении в III отделение за 1846 г. писал: «Говорят, генерал-майор Радишев не в милости у генерал-губернатора» (ЦГАОР СССР, ф. III отд. I экзп., д. 247, л. 14).

¹⁴ Там же, д. 25.

¹⁵ Деятель польского национально-освободительного движения.

¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. III отд., I экзп., д. 25, л. 25. В этом же деле находится справка III отделения о Писареве, относящаяся, по-видимому, к началу 40-х годов XIX века. В ней говорится: «Хотя М[инистерство] в[нутренних] д[ел] имеет о [...] Писареве те же сведения, какие и гр. Бенкендорф, но при всем том не только не находит благовидной причины, но полмгает даже совершенно неудобным переводить кол. сов. Писарева от Д. Г. Бибикова, ибо он состоит при нем для особых поручений. Сверх того Писарев по своим способностям так необходим ген.-лейт. Бибикову и удаление от него Писарева без его согласия так огорчит его, что он без всякого сомнения и сам будет просить об увольнении от должности генерал-губернатора» (там же, л. 16 без даты и подписи). Действительно, причина была «уважительная», если к тому же иметь в виду, что жена Писарева находилась в нежной дружбе с генерал-губернатором, о чем было широко известно не только в Киеве, но и в Петербурге, в частности в III отделении.

чале 50-х годов его назначили олонеким губернатором. Случай с Писаревым весьма характерен. Он свидетельствует о том, что система воровства и взяточничества имела не только всеобщее распространение, но получила и молчаливое «высочайшее» одобрение.

Особенный произвол царил на отдаленных окраинах. В 1845 г. в Восточную Сибирь был направлен для ревизии сенатор И. Н. Толстой, который обнаружил там вопиющие беззакония. «Ревизия сенатора Толстого Восточной Сибири,— писал в своем заключении в Комитет министров министр юстиции,— открыла многие случаи нарушения закона и злоупотреблений, из которых возникают обвинения, возводимые на генерал-лейт. Руперта по управлению вверенным ему краем»¹⁷. Действительно, генерал-губернатор совершенно не считался ни с существующими законами, ни с постановлениями высших государственных учреждений. Так, в 1838 г. В. Я. Руперт запретил свободную торговлю хлебом, якобы «впредь до удовлетворения казенных потребностей», и хотя в 1839 г. Комитет министров отменил это постановление генерал-губернатора, последний «продолжал воспрещать свободу в покупке хлеба, разрешая это только некоторым лицам по своему усмотрению; ...по продовольственной части, по заготовлению казенного вина и по другим предметам происходили весьма важные злоупотребления, тягостные для жителей, разорительные для промышленности и вредные для казны»¹⁸. Ясно, что разрешение «некоторым лицам» приобретать хлеб было связано с получением администрацией взяток. Как вскрыла ревизия, Руперт устанавливал новые налоги с местного населения. «Сборы эти,— писал министр юстиции,— были употребляемы им на расходы, не определенные законом (якобы на содержание училищ, пожарных и тюрем.— П. З.) или на замену вещественных повинностей денежными или, наконец, на такие статьи, которые были уже внесены в высочайше утвержденную смету повинностей»¹⁹, то есть, иными словами, на фиктивные расходы. Ревизия обнаружила также много других злоупотреблений генерал-губернатора.

После двухлетнего обсуждения в Комитете министров положения дел в Восточносибирском губернаторстве было вынесено следующее, довольно своеобразное решение: «По обозрению таким образом действующий генерал-губернатора Руперта по управлению вверенным ему краем Комитет, хотя и не усматривает еще достаточного повода к преданию его суду, так как всякому о том суждению по закону должно предшествовать рассмотрение объяснений самого генерал-губернатора, которые от него не истребованы, но за всем тем и в настоящее уже время по совокупности обнаруженных ревизией неправильных действий генерал-лейтенанта Руперта, Комитет признает, что он не может оставаться в нынешнем своем звании и пользоваться далее доверенностью правительства по управлению отдаленным краем»²⁰. Таким образом, из-за того, что в течение двух лет не удалось затребовать от Руперта объяснений, Комитет не счел возможным предать его суду. Николай I еще более смягчил представление Комитета министров — в написанной им на журнале Комитета резолюции значилось, что Руперт должен быть «по прошению» уволен в отставку²¹.

Среди генерал-губернаторов середины XIX в. выгодно выделялись лишь двое: наместник Кавказа и новороссийский генерал-губернатор кн. М. С. Воронцов и восточносибирский генерал-губернатор гр. Н. Н. Муравьев-Амурский. Это были просвещенные люди и умные администраторы.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. Комитета министров, д. 1263. Приложение к журналу Комитета министров за май 1847 г., ч. III, д. 1869, л. 701.

¹⁸ Там же, л. 706.

¹⁹ Там же, л. 708.

²⁰ Там же, д. 1861, лл. 582—583.

²¹ Там же, журнал Комитета министров за май 1847 г., д. 1861, л. 585.

Губернаторы именовались двояко: либо гражданский губернатор, либо военный и гражданский губернатор (иногда военный губернатор и управляющий гражданской частью)²². Функции первых и вторых были одинаковы, за исключением того, что военному губернатору подчинялись расположенные в губернии войска внутренней стражи: губернский батальон и уездные инвалидные команды. На 1 января 1853 г. числилось 58 губернаторов²³, из которых 30 были генералами и являлись, как правило, «военными и гражданскими»²⁴. Губернаторы в подавляющем большинстве избирались из гвардейских полковников, получивших при переходе в ведомство министерства внутренних дел чин генерал-майора. Обычно это были люди некомпетентные в делах гражданского ведомства, не знавшие, как надлежит управлять губернией. Ярким подтверждением того, что у многих из них не было ни малейшего представления о гражданской службе, может служить деятельность калужского военного и гражданского губернатора графа Е. П. Толстого, который искренне считал, что никакой поспешности в делах не требуется. «Он прямо объявил,— рассказывает в своих воспоминаниях М. Д. Бутурлин,— что в гражданской службе нет нужных и спешных дел [...] Он рассуждал, что нужные и спешные дела могут быть только в военной службе [...] А в гражданской бумажной службе какие такие могут быть экстренности? Не все ли равно, бумага лежит в том или ином месте»²⁵. При таком взгляде на задачи администрации Е. П. Толстой требовал от своих подчиненных, чтобы они отвечали на всякого рода экстренные и спешные запросы только после «третьего понуждения». Это привело к тому, что в Калужской губернии различного рода произвол и беззакония достигли колоссальных размеров.

Однако Калужская губерния не была исключением. Нижегородский губернатор свитский генерал кн. М. А. Урусов также был абсолютно некомпетентен в делах гражданской администрации. Штаб-офицер корпуса жандармов, сообщая о нем в III отделение, писал: «Он человек бескорыстный и занимается делами, но все не впрок: ибо сам оных не понимает, а подписывает то, что советники его скажут»²⁶. Так же характеризуется и томский губернатор инженер-генерал-майор С. П. Татаринов. «Если нельзя оспаривать у генерал-майора Татаринова знания горного дела в отношении искусственном,— писал в конце 1845 г. жандармский офицер подполковник Мосолов в III отделение,— то утвердительно можно сказать о совершенной его неспособности к управлению губернией в отношении административном»²⁷.

Среди губернаторов-генералов (по-видимому, очень редко) были и жандармские офицеры. К ним относится, например, ковенский губернатор А. А. Радищев, в прошлом штаб-офицер корпуса жандармов одной из поволжских губерний. Другую половину губернаторов составляли чиновники, либо служившие ранее в министерстве внутренних дел, а чаще — представители губернской администрации: вице-губернаторы, председатели казенных или других губернских палат.

Из 58 губернаторов, числившихся в начале 1853 г., формулярные списки сохранились на 48 человек. В сословном отношении все они были потомственными дворянами; из них 7 — титулованными (князей — 5, гра-

²² Помимо этого, существовали просто военные губернаторы в районах, имевших чисто военное значение (Кронштадт, Николаев). Они не являлись гражданскими администраторами и не принимаются здесь в расчет.

²³ В Архангельской губернии было фактически два губернатора: военный губернатор, начальник порта и управляющий гражданской частью вице-адмирал Р. П. Бойль и гражданский губернатор В. Ф. Фрибес.

²⁴ За исключением двух: харьковского — генерал-майора Трискина и таврического — генерал-лейтенанта Пестеля (брата декабриста). Они, имея военное звание, занимали посты гражданских губернаторов.

²⁵ «Русский архив», 1916, кн. 1—3, стр. 218.

²⁶ ЦГАОР СССР, ф. III отд., 1 экзп., д. 247, ч. 28, л. 2.

²⁷ Там же, ч. 49, л. 2.

фов — 1, баронов — 1). По вероисповеданию — 39 православных и 9 лютеран. Возраст их был следующим: от 36 до 45 лет — 4; от 46 до 50 лет — 11; от 51 до 55 лет — 17; от 56 до 60 лет — 9; от 61 до 75 лет — 5; возраст не указан — 2. Следовательно, 73% губернаторов относились к группе от 46 до 60 лет.

Высшее образование имели 9 человек (университет, лицей, корпус инженеров путей сообщения), среднее — 9 (кадетский корпус, гимназии) и домашнее — 30. Следовательно, $\frac{2}{3}$ губернаторов не имели систематического образования. Поэтому не удивительно, что даже познания в области русского языка и арифметики у некоторых были далеко не совершенны.

По имущественному положению 29 губернаторов были помещиками²⁸, и у одного были собственные дома в Петербурге. У 14 человек не было собственности, а относительно 5 данные по этому вопросу отсутствуют. По размеру имений губернаторы принадлежали в основном к среднепоместным. Так, до 50 душ крепостных имел 1; от 50 до 100 — 6, от 100 до 500 душ — 8; от 500 до 1000 душ — 6; от 1 тыс. до 5 тыс. душ — 6. У двух губернаторов не было крепостных, но у одного из них имелось 500 дес. земли, у другого размер не указан. Кроме того, три губернатора владели, помимо крепостных душ, ненаселенными землями. Так, у тамбовского губернатора П. А. Булгакова было 20 300 дес. таких земель, у олонецкого губернатора кн. Ю. А. Долгорукова — около 7 тыс. дес. и у киевского губернатора А. Д. Кривцова — 2 тыс. десятин. Два губернатора, помимо крепостных, имели также промышленные предприятия: пензенский губернатор А. А. Панчулидзе — винокурный завод, петербургский гражданский губернатор П. Н. Донауров — медеплавильный завод. Таким образом, не все губернаторы относились к числу богатейших помещиков (владельцы имений с числом душ свыше 1 000 составляли среди них всего 20,6%). Однако приведенные данные едва ли точно воспроизводят картину имущественного положения губернаторов. Большинство из них обладало большими доходами и держало скорей всего свои капиталы «при себе» либо приобретало собственность на имя подставных лиц.

«Хозяева губернии» отличались от своих петербургских собратьев — представителей высшей администрации. Последние были более квалифицированы в служебной области. Губернаторы же (по крайней мере значительная часть их) являлись людьми малосведущими в этих вопросах. Данное обстоятельство, по-видимому, и определяло их быструю сменяемость. Так, до одного года занимали свою должность 15 губернаторов, до двух лет — 9. Таким образом, половина губернаторов не более двух лет находилась в данной губернии. От 5 до 10 лет выполняли обязанности 12 человек, а более 10 лет — только 6. Следовательно, лишь треть губернаторов занимала должность свыше 5 лет. Имелось и другое различие между петербургскими сановниками и губернаторами. Бюрократы в столице были прежде всего послушными исполнителями распоряжений высшего начальства. Губернская администрация сочетала это необходимое для всякого представителя бюрократии вообще, а николаевской в особенности качество с другим — известной самостоятельностью. Представители провинциальной власти зачастую являлись настоящими помпадуром. Руководствуясь тем, что «Петербург далеко», они творили такого рода беззакония, которые были бы немыслимы в высших и центральных учреждениях столицы.

В обстановке лжи и казенного лицемерия, получивших в конце 40-х — начале 50-х годов XIX в. всеобщее распространение, губернаторы сообщали в своих годовых всеподданнейших отчетах ложь, либо сознательную (чтобы изобразить управляемую губернию в наилучшем ви-

²⁸ Из 29 лиц, имевших земельную собственность, родовая была у 20, у 9 — благоприобретенная или собственность жены.

де)²⁹, либо даже непреднамеренную, приводя всякого рода статистические данные, взятые «с потолка»³⁰. Наряду с системой лжи в губернской администрации царил массовое казнокрадство и мздоимство. Первым в этом деле обычно выступал губернатор. Мздоимство в какой-то степени было явлением обычным. Взятка, например; с откупщиков питейных сборов не рассматривалась как нечто недозволенное, а считалась в порядке вещей³¹. Профессор Военной академии генерал А. Э. Циммерман, характеризуя в своих воспоминаниях архангельского гражданского губернатора В. Ф. Фрибеса, писал: «Взяточником он не был, а получал с откупщика ежегодный подарок (тысячи три или четыре серебром). Тогда, — замечает он, — большая часть губернаторов в России брала с откупщиков деньги»³². Об этом же пишет пензенский помещик И. В. Селиванов, рассказывая о пензенском губернаторе Панчулидзе, который с 12 существовавших в губернии откупщиков брал ежегодно по 2 тыс. руб., то есть не больше, не меньше, как 24 тыс. руб. в год³³.

Однако большинство губернаторов брали не только с откупщиков. Н. П. Боголюбов приводит следующий рассказ генерал-адъютанта И. С. Фролова: когда Николай I собрал сведения о том, кто же из губернаторов вовсе не берет взяток, даже с откупов, то оказалось, что только двое: киевский И. И. Фундуклей и ковенский А. А. Радищев. На это Николай заметил: «Что не берет взятку Фундуклей — это понятно, потому что он очень богат, ну, а если не берет их Радищев, значит он чересчур уже честен»³⁴. Действительно, брали почти все. Брали и с откупщи-

²⁹ Выдумана была даже особая теория, оправдывавшая эту ложь. Как рассказывает в своих воспоминаниях Н. П. Боголюбов, виленский генерал-губернатор И. Г. Бибиков, поучая его дядю ковенского губернатора А. А. Радищева (отличавшегося правдивостью) в необходимости лгать, приводил следующие мотивы. «Вы выпускаете из виду, — говорил Бибиков, — что его величество стареет, а потому необходимо оберегать особу государя и не высказывать правды прямо» (ОР ГБЛ, Муз. собр., д. 3196, л. 153). М. Б. Веселовский, говоря о положении дел в Нижегородском губернском правлении, где он в конце 40-х — начале 50-х годов XIX в. служил чиновником, пишет: «Таким образом ложь проходит по всем инстанциям, не возбуждая ни в ком неудовольствия. Наоборот, если бы палата (имеется в виду казенная палата. — П. З.) в виде исключения вздумала сказать правду [...], то и губернатор и министерство не обрадовались бы такой правдивости и постарались бы поскорее разделаться с неожиданно возникшей неприятной историей» (ОР ГПБ, F IV—861, л. 301).

³⁰ Статистические данные сообщались в губернский статистический комитет представителями полицейской власти — уездными исправниками, станowymi приставами и городничими. Тот же Веселовский рассказывает, например, как обрабатывались данные, полученные с мест: «Составляющий, например, статью о скотоводстве спрашивает в шутку своего соседа по канцелярии: Как ты думаешь, сколько в прошлом году было лошадей в Васильском уезде? — А в позапрошлом сколько их было? — 110 000 голов. — Ну, вставь 115 000. Да почему же ты спрашиваешь? Разве исправник не доносит? — Доносит, но он показывает 150 000. Нельзя допустить такую разницу. Министерство одолеет запросами. Итак, — резюмирует Веселовский, — по соглашению двух приятелей показывается по уезду 115 000 лошадей, а исправнику делается вопрос [...], почему произошла столь значительная разница в числе лошадей по сравнению с предшествующим годом» (там же).

³¹ Откупщик «локупал» всю губернскую администрацию. «Откупщик, — писал Веселовский, — вернее чем табеля о рангах или штатное положение сопределял удельный вес каждого должностного лица. Тот, кому откупщик платил много, высоко стоял в служебной иерархии, кому платил мало — стоял низко, кому вовсе не платил, представлялся мелкой сошкой. Размеры платежей определяли значение губернских деятелей в глазах высшего начальства. Получающий с откупщика более, мог послать более щедрю дань в Петербург и, следовательно, скорее заслужить благосклонность в высших сферах» (там же, л. 237).

³² ОР ГБЛ, ф. А. Э. Циммермана, к. I, л. 2, ч. II, л. 19

³³ «Записки И. В. Селиванова». «Русская старина», 1880, кн. 6. Цит. по: «Эпоха Николая I». М. 1910, стр. 42.

³⁴ ОР ГБЛ, ф. Муз. собр., д. 3196, л. 164. Подобную же характеристику Радищева, как человека честного, в бытность его подольским губернатором, дает и штаб-офицер корпуса жандармов по Подольской губернии. Так, в июле 1846 г. он сообщал в III отделение: «Генерал-майор Радищев деятелен и строгого бескорыстия: это общий отзыв, и это точно на самом деле» (ЦГАОР СССР, ф. III отд., I эксп., л. 247, ч. 35, л. 13). Далее отмечаются отрицательные черты губернаторского характера: недоступность, надменность, подозрительность и мнительность.

ков, и с лиц, находившихся в прямом подчинении губернаторов: исправников, полицеймейстеров, городничих. Об этом встречаются неоднократные упоминания в мемуарах, а также в официальных материалах. Так, штаб-офицер корпуса жандармов по Псковской губернии майор Деспот-Зенович в 1845 г. в своем донесении сообщал, что губернатор Г. М. Бартоломей требовал от одного из полицеймейстеров, подполковника Кардаковского, «чтобы он платил ему ежегодно пять тысяч рублей ассигнациями»³⁵.

Что касается управления губерниями, то некоторые губернаторы, по сути дела, им не занимались. Так, астраханский губернатор (как сообщал в III отделение анонимный агент, посетивший ряд губерний в 1852 г.), буквально не имел возможности заниматься этим, так как вел «образ жизни особенный от общепринятого: утро посвящает молитве, обед в 12 часов, отдых до 5, в 9 ужин и потом покой»³⁶. Несколько иначе проводил время саратовский губернатор. «Странный образ жизни, невоздержанность в употреблении хмельного,— писал тот же агент,— отнимают у г. губернатора Кожевникова способ для личного надзора за порядком в городе и для наблюдения за чинами подчиненными, отчего вкрались многие злоупотребления, обнаружился произвол и исполнительская власть получила ложное направление»³⁷. В губернии действительно царил полный произвол. Тамбовский губернатор П. А. Булгаков вообще перестал интересоваться служебными делами. Он «выстроил для себя в 30 верстах от города богатую дачу, учредил там обширный конный завод и водворился на постоянное почти жительство: раза два в неделю на короткое время приезжает в город; в прочие же дни доклады из всех учреждений отвозятся к нему производителями, или пересылаются через нарочных, [что] в особых случаях весьма затруднительно»³⁸.

Однако все это было несравнимо с тем, как держал себя пензенский гражданский губернатор А. А. Панчулидзе, занимавший этот пост с 1831 года. Этот помпадур творил в губернии все, что ему вздумается³⁹. Не говоря уже о взяточничестве «со всех и вся» и различного рода казнокрадстве, он вел себя как средневековый турецкий паша в завоеванной области, покрывая различного рода преступления, включая и убийства⁴⁰. Чтобы судить о методах его «управления», можно привести следующий случай. В начале 40-х годов XIX в. чембарский откупщик Пентюков «как-то позамешкался присылкою оброка, почему и был потребован в Пензу. Не желая ехать сам, он послал своего сына, молодого человека, с 1000 руб. и с извинением, что в настоящее время денег нет, но что «достаточная» тысяча будет доставлена в непродолжительном времени. Молодого человека, дожидавшегося доселе в зале [...], позвали в кабинет губернаторский [...] Он вошел и объяснил губернатору поручение отца, вручил приказанные к отдаче 1 000 руб.». Панчулидзе потре-

³⁵ ЦГАОР СССР, ф. III отд., I эксп., д. 95, л. 7.

³⁶ Там же, д. 358, л. 12.

³⁷ Там же, л. 10.

³⁸ Там же, лл. 8—9.

³⁹ О Панчулидзе см. воспоминания И. В. Селиванова, которые под заглавием «Из записок И. В. Селиванова» были изданы М. И. Семевским в «Русской старине» с цензурными купюрами в 1880 г. (кн. 7). О нем же рассказывает Н. П. Огарев в своих воспоминаниях «Кавказские воды», характеризуя его управление «разбойничье-отеческим» («Полярная звезда» Кн. III, стр. 342). Надо заметить, что Панчулидзе «одолил» и у Огарева 5 тыс. рублей (см. там же).

⁴⁰ Как отмечает Селиванов, для особо деликатных дел у Панчулидзева был советник губернского правления NN, совершавший вопиющие беззакония. «Однажды,— рассказывает Селиванов,— в Саранске убили сидельца суконной лавки; NN засадил в острог целые десятки татар не только Пензенской, но даже Тамбовской губернии, Темниковского уезда, и выпускал их по мере того, как они вносили за себя выкуп, кто 1000, а кто и 2000 рублей, сообразно состоянию» (цит. по: «Эпоха Николая I», стр. 39). Об этом факте см. также «Гелоса из России». Кн. 3. Лондон. 1858).

бовал немедленной отдачи второй тысячи, а сын откупщика еще раз повторил, что в настоящий момент у них нет денег. «Тогда губернатор бросился на него, своими превосходительными руками выхватил у него из кармана бумажник и взял оттуда все деньги [...] Разумеется, молодой человек не давал и был тем не менее ограблен и, сбежав с лестницы растрепанный и изодранный, величал губернатора грабителем и разными другими нежными наименованиями»⁴¹. Однако этот грабеж в буквальном смысле слова «среди бела дня» не имел никаких последствий. И прокурор, и штаб-офицер корпуса жандармов молчали, а последний в своих секретных отчетах о местной администрации всячески восхвалял «хозяина губернии». 19 января 1852 г. штаб-офицер корпуса жандармов подполковник Родовановский, характеризуя состояние Пензенской губернии, писал в III отделение: «Вообще управление по губернии в отличном состоянии, несмотря на то, что некоторые из чиновников не совершенно соответствуют своему назначению, но бдительное наблюдение начальника губернии [...] и неутомимая его деятельность за порядком и ходом дел в каждом присутственном месте [...] делает совершенно заметными их недостатки»⁴².

Вполне естественно, что панчулидзевская система управления, существовавшая почти три десятилетия, растлила (в необычных даже для николаевского режима размерах) всю губернскую и уездную администрацию. Только изменение общей обстановки в стране после Крымской войны заставило дать иную оценку деятельности Панчулидзева. «Земская полиция и городничие, имея по делам отношения к губернскому правлению,— сообщал в III отделение в весьма деликатных выражениях штаб-офицер корпуса жандармов по Пензенской губернии подполковник Тарновский в конце 1856 г.,—говорят, должны поддерживать оные деньгами, а также утверждают, что, кроме губернского правления, многие исправники, судьи и проч. имеют свои установленные ежегодные отношения к начальнику губернии и чиновнику особых поручений Караулову, которыми и поддерживаются на своих местах». «Относительно нравственного убеждения большинства лиц чиновников и служащих,—говорилось в том же сообщении,—к сожалению, по справедливости должно сказать, что многие наблюдают свои выгоды и установление благодарности и поборы не считают взятками, о совершенном же бескорыстии по службе не имеют понятия. Общее направление к изобретению из службы к получению денежных выгод сделалось столь общим большинству служащих, что заменить лучшими почти нет [возможности] и к малейшему уменьшению такого направления нужно весьма много стремления и времени»⁴³.

Эта характеристика (опять-таки изложенная в весьма деликатных выражениях) отражает положение не только в Пензенской губернии, но и во всей России. Поэтому, несмотря на изменившуюся общественную обстановку, непосредственной реакции на это сообщение не последовало. Потребовалась статья в третьей книжке «Голосов из России» (издававшихся в Лондоне А. И. Герценом) о так называемом Танеевском деле⁴⁴ (величайшем произволе, связанном с уголовным преступлением, совершенным саранским исправником Федорчуковым при попустительстве Панчулидзева), чтобы в 1858 г. в Пензу была направлена ревизия

⁴¹ «Колокол», л. 27, стр. 220—221. Об этом эпизоде рассказывает и Селиванов, находившийся в тот момент в губернаторском доме. Интересно заметить, что Панчулидзев получал наибольший из всех губернаторов оклад, составивший в год 8 632 руб. («Список чинам первых четырех классов». СПб. 1853, стр. 108). Обычный губернаторский оклад равнялся 1 716 руб. жалованья и 1 716 столовых, то есть 3 432 рублям. Помимо жалованья, Панчулидзев имел крупное состояние.

⁴² ЦГАОР СССР, ф. III отд., 1 эксп., д. 247, ч. 33, л. 14.

⁴³ Там же, лл. 70, 72.

⁴⁴ Об этом см. также статью «Танеевское дело» в «Колоколе», л. 27, от 1 ноября 1858 г.

под руководством сенатора Сафонова. Только после этого Панчулидзе в 1859 г. был снят с поста пензенского губернатора, который он занимал в течение 28 лет.

Таков был Панчулидзе, такими были и другие губернаторы. В 1859 г. в материалах, издававшихся за границей группой либеральных бюрократов под редакцией временно исполнявшего должность министра внутренних дел Н. А. Милютин⁴⁵, давалась следующая оценка губернаторам: «Можно утвердительно и по строгой совести сказать, что в числе 45 губернаторов, за исключением сибирских и кавказских, 24 должны быть заменены без малейшего замедления, из них 12 как всем известные мошенники, а 12 по сомнительной честности. Из остальных 21-го десять могут быть терпимы по необходимости, девять довольно хороши и только два могут быть названы образцовыми: самарский Грот и калужский Арцимович»⁴⁵. И это говорилось в конце 50-х годов XIX в., когда часть николаевских самодуров и невежд была уже уволена от своих должностей.

Вице-губернатор являлся, образно выражаясь, правой рукой начальника губернии. «Прямое назначение вице-губернатора,— говорится в законе,— есть: 1) быть непосредственным помощником и сотрудником начальника губернии по всем частям управления оною, 2) иметь ближайший и ответственный надзор по всем частям губернского правления, наблюдать вообще за делопроизводством, благоустройством и порядком в целом правлении и в особенности в канцелярии присутствия и частях ее, 3) заступать временно место начальника губернии каждый раз, когда губернатор почему-либо не управляет губернией»⁴⁶.

На 1 января 1853 г. по адрес-календарю числилось 52 вице-губернатора. Сохранились формулярные списки только 34 человек. Кроме того, сведения о ряде других вице-губернаторов помещены в дополнительных листах к формулярным спискам при отсутствии последних и в других документах⁴⁷. В отличие от губернаторов вице-губернаторы были почти все лицами гражданскими, имевшими определенный опыт гражданской службы⁴⁸. Из 52 человек только один — в Тульской губернии — был военным. Среди вице-губернаторов лишь один был титулованным (князь). По сословной принадлежности они являлись в основном дворянами (30 человек); из остальных: один был сыном купца, два — обер-офицерские дети и один из духовного звания. По вероисповеданию большинство составляли православные — 30 человек, два католика, два лютеранина. 11 человек окончили высшие учебные заведения, среднее образование имели 12, и 11 человек получили домашнее образование. Таким образом, вице-губернаторы были образованнее своих непосредственных начальников. Возраст вице-губернаторов был следующим: от 31 до 45 лет — 15; от 46 до 50 лет — 9; от 51 до 55 лет — 3; от 56 до 60 лет — 4; от 61 до 65 лет — 3. Следовательно, более $\frac{2}{3}$ всех вице-губернаторов были не старше 50 лет, в то время как в этом возрасте находилась лишь треть губернаторов.

Что касается имущественного положения, то у 11 вице-губернаторов не было никакой собственности, 23 являлись помещиками (у 17 из них имелась родовая земельная собственность). Таким образом, лица, имевшие родовую земельную собственность, составляли среди вице-гу-

⁴⁵ «Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование Александра II». Т. II. Берлин. 1867, стр. 462.

⁴⁶ «Свод законов Российской империи». Изд. 1857 г. Т. II, ч. I, ст. 750.

⁴⁷ Имеется в виду дополнительный лист к формулярному списку при отсутствии последнего.

⁴⁸ Однако и среди вице-губернаторов встречались лица, перешедшие с военной службы и не обладавшие никакими познаниями в административной сфере. Так, характеризуя владимирского вице-губернатора Муравьева, штаб-офицер корпуса жандармов писал: «Очень деятелен по службе, но как прежде все находился в морской, то не знает гражданских дел» (ЦГАОР СССР, ф. III отд., I эксп., д. 247, ч. 6, л. 23).

бернаторов половину, а если учесть благоприобретенную и собственность жен, — то почти $\frac{2}{3}$. По числу крепостных душ вице-губернаторы распределялись следующим образом: до 50 душ имели 3, от 50 до 100 — 7, от 100 до 500 — 7, от 500 до 1 тыс. — 3, от 1 тыс. до 5 тыс. — 2 и без указания размера — 1. Следовательно, и среди вице-губернаторов преобладали среднепоместные. У четырех вице-губернаторов, помимо крепостных, имелись еще ненаселенные земли (от 1 тыс. до 10 тыс. десятин).

Продолжительность службы вице-губернаторов была примерно такой же, как и у губернаторов. Из 33 человек (данные об одном отсутствуют) до года служило 4, до 5 лет — 18⁴⁹. Следовательно, лица, занимавшие должность свыше 5 лет, составляли более 40%. Моральный облик вице-губернатора, как правило, соответствовал губернаторскому, а если бывал иным, то довольно быстро приводился в соответствие. В качестве примера можно привести характеристику саратовского вице-губернатора, своим образом жизни вполне отвечавшего «начальнику губернии, горькому пьянице». «Вице-губернатор [...] бесценный участник во всех оргиях в тесном содружестве с чинами провиантской комиссии, отличными питухами, — сообщал в III отделение его анонимный агент, — частые скандальные истории наводят соблазы для губернии и унижают достоинство губернского начальства»⁵⁰. Но бывало и так, что при неопытном губернаторе основной воз по управлению губернией вез вице-губернатор (например, нижегородский вице-губернатор М. М. Панов при молодом свитском генерале князе Урусове⁵¹).

Казенная палата, как орган министерства финансов, занимала важное место в системе губернских учреждений. Она ведала сбором различного рода прямых и косвенных налогов (подушная подать, выдача различных гильдейских, промысловых и других свидетельств, откупа, акциз) и вместе с тем обязана была выполнять контрольные функции. Казенная палата имела пять отделений: ревизское, питейных сборов, казначейство, соляное и контрольное⁵². Присутствие палаты состояло из председателя, советников, губернского казначея, губернского контролера и одного или нескольких ассессоров⁵³. Председатель казенной палаты назначался и увольнялся «высочайшей властью» по представлению министра финансов. По своему положению он был третьим лицом в губернии и замещал губернатора, если «на эту должность не может вступить вице-губернатор». Однако, пожалуй, в некотором отношении он выступал не как третье, а как второе лицо. Во-первых, председатель казенной палаты был в отличие от вице-губернатора представителем другого ведомства и пользовался некоторой независимостью, возглавляя самостоятельную отрасль губернского управления. Кроме того, и по чину председатель казенной палаты был, как правило, старше вице-губернатора.

На 1 января 1853 г. числилось 53 председателя казенной палаты. Формулярные списки сохранились на 49 человек⁵⁴. Преобладающее большинство председателей казенных палат принадлежало к дворянству — 40 человек (81,6%), остальные происходили из обер-офицерских детей — 4, детей канцелярских служителей и мелких чиновников — 4, и один был выходцем из духовного звания. Православных среди председателей казенных палат было 40 человек, лютеран — 8 и католиков — 1 человек. По возрасту председатели казенных палат были старше вице-губернаторов (этим, вероятно, и объяснялось их превосходство в чинах): от 30 до 45 лет — 6, от 45 до 50 лет — 11, от 51 до 55 лет — 14, от 56 до

⁴⁹ Включая и прослуживших до одного года.

⁵⁰ ЦГАОР СССР, ф. III отд., I экз., л. 308, л. 10.

⁵¹ ОР ГПБ. Записки сенатора М. Б. Веселовского, F IV—861, л. 253.

⁵² «Свод законов Российской империи». Т. II, ч. I, § 1018.

⁵³ Там же, § 1017.

⁵⁴ Помимо этого, сохранился один дополнительный лист к формулярному списку в котором обозначено только имущественное положение.

60 лет — 7, от 61 до 70 лет — 11. Следовательно, лица моложе 50 лет среди этой категории губернских чиновников составляли более $\frac{1}{3}$. Высшее образование имели 11 человек, среднее — 23, низшее и домашнее — 15.

Из 50 председателей казенных палат земельную собственность имели 26⁵⁵, у 4 были собственные дома, у 2 — дворовых до 10 душ; 18 не имели собственности. Из 26 земельных собственников большинство принадлежало к среднепоместным: до 50 душ имели 8 человек, от 50 до 100 — 5, от 100 до 500 — 11, от 1 тыс. до 5 тыс. — 1. Кроме того, у одного председателя казенной палаты было ненаселенное имение в 1700 дес., и, помимо этого, он являлся обладателем значительного числа акций Русско-американской компании.

Председатель казенной палаты имел наибольшие возможности для получения различных незаконных доходов: в его руках находились откупа, акциз и другие виды налогового обложения. Характеризуя председателя нижегородской казенной палаты Б. Е. Прутченко, М. Б. Веселовский писал, что тот нажил большое состояние. «Он, — по слухам, — ежегодно отправлял в Петербург чиновника (которого и прямо называли) с надлежащим приношением начальству и, само собой разумеется, что за такое приношение начальству он получал право сводить очень прибыльные для себя счета с винным откупщиком и другими лицами, пробавляющимися около казенного суидука»⁵⁶. Такую же характеристику Прутченко дает и нижегородский жандармский штаб-офицер полковник Панютин, сообщая в январе 1846 г. в своем донесении, что председатель казенной палаты «составил значительное состояние, тысяч до четырех душ крестьян», приобретая их на имя своей сестры, жены откупщика⁵⁷. Как рассказывает Веселовский, одним из видов дохода председателя нижегородской казенной палаты были соляные операции. «Главными формами, — пишет он, — здесь были: уменьше ловко потопить баржу и воспользоваться потоплением соляных амбаров»⁵⁸. Баржу топили после того, когда с нее была уже выгружена соль, а соляные амбары, расположенные на берегу Волги и иногда затопляемые весной вешними водами, служили в основном для списания «погибшей» соли. Тот же жандармский офицер косвенно подтверждает рассказ Веселовского, давая главе соляного «начальства» — приставу соляных дел Польцу — далеко не лестную характеристику. «Себя, — говорится в донесении Панютина, — не забывает, имеет такое же, как и председатель Прутченко, значительное приобретенное имение в Нижегородской губернии на имя родной сестры своей»⁵⁹.

Данное явление имело общероссийское распространение. Анализируя имущественное положение чинов губернской администрации, трудно обнаружить какие-либо резкие изменения в размерах их собственности⁶⁰,

⁵⁵ Из них родовая собственность была у 15, у остальных — благоприобретенная или собственность жены.

⁵⁶ ОР ГПБ. Записки сенатора М. Б. Веселовского. F IV—861, лл. 287—288.

⁵⁷ ЦГАОР СССР, ф. III отд., I экзп., д. 247, ч. 28, л. 6. И на свое имя Прутченко приобрел 2 165 крепостных душ («Список гражданским чинам первых четырех классов». СПб. 1853, стр. 261). Характеристика, направленная в III отделение, по-видимому, не возымела действия, так как и через 7,5 лет после этого Прутченко по-прежнему оставался на той же должности.

⁵⁸ ОР ГПБ. Записки сенатора М. Б. Веселовского. F IV—861, л. 288.

⁵⁹ ЦГАОР СССР, ф. III отд., I экзп., д. 247, ч. 28, л. 7.

⁶⁰ Чтобы избежать неприятностей, чиновники реализовали свои «доходы» путем приобретения собственности не на свое имя, а на имя родственников, как это делалось в Нижнем Новгороде. До образования Инспекторского департамента гражданского ведомства в 1846 г. чиновники не остерегались в этом отношении. Поэтому в «списках чинам» за более ранние годы встречаются порой любопытные сведения о размерах приобретенного имущества. Так, советник таврической казенной палаты, статский советник Т. И. Шурхайло приобрел на свое и имя жены: 11 душ крепостных, 700 дес. земли, три виноградных сада и каменный дом в Симферополе, получая жалованье в размере 843 руб. в год («Список гражданским чинам V класса». СПб. 1854, стр. 476).

в то время как «доходы» их были грандиозны. Это еще раз подтверждает, что сведения, сообщаемые ежегодно Николаю I Инспекторским департаментом гражданского ведомства о собственности, приобретенной чиновниками за истекший год⁶¹, не отражали реального положения.

Палаты государственных имуществ в губерниях возникли в 1838 г., после создания министерства государственных имуществ. Они ведали государственными крестьянами, лесами, принадлежавшими казне, и различного рода «оброчными статьями», находившимися на территории государственных земель. До 1838 г. все это было в ведении казенных палат. Палата государственных имуществ возглавлялась управляющим, назначавшимся высочайшим приказом по представлению министра государственных имуществ. На 1 января 1853 г. из 47 управляющих палатами налицо было 45. Формулярные списки сохранились лишь на 25 человек, то есть лишь на половину состава управляющих.

Преобладающее их число находилось в прошлом на гражданской службе, лишь трое имели военные чины (два генерал-майора и один полковник). По сословному происхождению большинством управляющих палатами являлись потомственными дворянами, из 25—22; двое были детьми мелких чиновников и один — из обер-офицерских детей. Православных среди управляющих было 20 человек, лютеран — 4 и один католик. Возраст управляющих палатами был следующим: от 36 до 45 лет — 7; от 46 до 50 лет — 5; от 51 до 55 лет — 7; от 56 до 60 лет — 4; от 61 до 70 лет — 2. Таким образом, несколько менее половины из них были моложе 50 лет. 7 управляющих палатами имели высшее образование, 9 — среднее, 1 — низшее и 8 — домашнее.

По имущественному положению 20 человек были помещиками. Из них 15 имели родовую собственность и 5 — благоприобретенную или собственность жены. У одного из управляющих был каменный дом в Крыму и 4 дес. виноградников. Не имели собственности 4 человека. Число крепостных душ у этой категории чиновников было следующим: до 20 душ — 1; от 51 до 100 душ — 5⁶²; от 101 до 500 душ — 10; от 501 до 1 тыс. душ — 3; от 1 тыс. до 5 тыс. душ — 1. Таким образом, управляющие палатами государственных имуществ не отличались по своему составу от других представителей губернской администрации.

Реформа государственных крестьян, в результате которой возникла новая отрасль губернской администрации — палаты государственных имуществ, — не изменила положения самих крестьян. Несмотря на ряд мер (наделение дополнительной землей и лесом, организация медицинского обслуживания, строительство школ, перевод крестьян западных губерний с барщины на оброк), жизнь государственных крестьян оставалась прежней. Усиление «правительственного» попечительства над крестьянами, создание целого ведомства с армией чиновников привели к росту произвола, взяточничества и различного рода издевательств.

Шеф жандармов гр. Бенкендорф в своем отчете Николаю I за 1842 г. писал по этому поводу: «Теперь остается решить, улучшилось ли их положение с учреждением над ними нового управления? Этот вопрос разрешили сами крестьяне. Беспокойства, возникшие в прошлом году между ними в Олонецкой, Вятской, Пермской, Казанской и Московской губерниях, имели два главных повода: притеснения и поборы чиновников государственных имуществ и желание остаться по-старому под ведением земской полиции, которая если не более заботилась о благе крестьян, то по крайней мере не так дорого им стоила, ибо прежде целый уезд

⁶¹ Эти сведения представлялись в виде приложения к ежегодному всеподданнейшему отчету Инспекторского департамента (см. ЦГИА СССР, ф. 1 отд., оп. 2, д. 6829, ч. 1 — 560).

⁶² Один из них имел также 2 050 дес. ненаселенной земли.

жертвовал для одного исправника и двух или трех заседателей, а ныне на счет крестьян живут десятки чиновников»⁶³.

Управляющие палатами государственных имуществ среди этой оравы чиновников играли далеко не последнюю роль. Так, штаб-офицер корпуса жандармов, характеризуя управляющего нижегородской палатой государственных имуществ Круковского, писал, что он «мало занимается устройством возложенных на него обязанностей, а более, как видно, займется собственным приобретением»⁶⁴. Председателя костромской палаты государственных имуществ А. П. Шипова жандармский офицер в своем донесении также называет взяточником⁶⁵. Взятки брали не только управляющие палатами, но и их подчиненные. Рассказывая о доходах местных чиновников, М. Б. Веселовский подчеркивает, что «одним из обильных источников было заведование казенными крестьянами. Не говоря уже о высших губернских чинах, даже мелкота жила [..] довольно обильно»⁶⁶.

Первая роль среди чиновников министерства юстиции в губернии принадлежала прокурору. «Губернский прокурор и состоящие при нем для совета губернские стряпчие имеют единственный предмет своих действий,— говорилось в законе,— непосредственный надзор за порядком производства дел в местах губернских»⁶⁷. Непосредственным начальником губернских прокуроров был министр юстиции, «и от него одного (они) получают предписания и одобрения в заслугах и отличиях»⁶⁸. Однако в действительности губернский прокурор не был лицом независимым, что отражалось даже в законах. Так, он обязан был о всех замеченных им злоупотреблениях и беспорядках «доносить немедленно губернскому начальству, а в некоторых определенных случаях и министру юстиции»⁶⁹. Требование сообщать о «замеченных беспорядках» непосредственно губернатору, а не министру юстиции ставило прокурора в некоторую зависимость от «хозяина» губернии. Что же касается губернских стряпчих, то они находились уже не только в зависимости, но даже в известной степени в подчинении губернского начальства. «Губернскому правлению,— указывалось в «Своде учреждений государственных и губернских»,— подчиняются губернские стряпчие токмо в отношении к возлагаемым на них губернским начальством комиссиям или поручениям»⁷⁰. Наконец, тот факт, что губернский прокурор утверждал приговоры палат уголовного суда, к которым прокурор имел (хотя и косвенное) отношение, также свидетельствовал о зависимости последнего.

В действительности эта зависимость была значительно большей. В рассматриваемый период роль и значение министерства внутренних дел, к ведомству которого принадлежали губернаторы, были неизмеримо выше, нежели министерства юстиции. Н. М. Колмаков, служивший в министерстве юстиции, в своих воспоминаниях приводит любопытный разговор с министром внутренних дел, относящийся к середине 50-х годов XIX века. «Я,— рассказывает он,— как чиновник, командированный от министерства юстиции для занятий в министерстве внутренних дел, представлялся бывшему тогда в последнем министру Сергею Степановичу Ланскому. Разговаривая со мной, Ланской спросил меня: «Ну что там Ваш Виктор Никитич? (министр юстиции гр. Панин.— П. З.) все судит, да рядит,— а мы все-таки будем ездить по-своему». При этом Ланской раскрыл два пальца правой руки и, образовав из них рогульку, положил

⁶³ «Крестьянское движение в 1827—1869 гг.». Вып. 1. М. 1931, стр. 53.

⁶⁴ ЦГАОР СССР, ф. III отд., I экзп., д. 247, ч. 28, лл. 7—8.

⁶⁵ Там же, ч. 20, л. 53.

⁶⁶ ОР ГПБ. Записки сенатора М. Б. Веселовского. F IV—861, л. 288.

⁶⁷ «Свод учреждений государственных и губернских». Ч. 2. СПб. 1842, ст. 2300.

⁶⁸ Там же, ст. 2325.

⁶⁹ Там же, ст. 2305.

⁷⁰ Там же, ст. 2331.

ее на один палец левой руки, а потом, подымая и опуская ее несколько раз, делал движения наподобие конного ездока. «Вот так, вот так,— твердил, улыбаясь, добродушный министр,— мы ездим на вашей юстиции»⁷¹. И действительно губернаторы «ездили верхом» на прокурорах, за редким исключением.

Об этом же свидетельствуют и донесения штаб-офицеров корпуса жандармов в III отделение. Так, характеризуя вологодского губернского прокурора И. П. Делло, жандармский штаб-офицер сообщал: «Сколь можно заметить чрезвычайно кропотлив в делах, робко действующий по своей должности, соглашаясь всегда с волей и намерениями начальника губернии»⁷². Владимирский штаб-офицер корпуса жандармов о губерньском прокуроре Шкляревиче писал, что «хотя по утрам и бывает трезв, но все более сидит в своей прокурорской комнате и редко посещает другие присутственные места, протестов против неправильных решений дел почти никогда не делает, почему все чиновники, начиная от самого губернатора, им довольны, но имеющие тяжбу не находят в нем никакого покровительства»⁷³. О могилевском губерньском прокуроре А. П. Найденове жандармский офицер доносил, что он «старается угодить и начальству и просителям»⁷⁴, в силу чего «на деле имеет слабое влияние, в обществе же никакого»⁷⁵. Даже казанский губерньский прокурор, бывший ректор Казанского университета, ученый-юрист, профессор Солнцев никак не реагировал на величайший произвол местной администрации и особенно казанского полицмейстера Поля⁷⁶.

На 1 января 1853 г. по штатам должно было быть 60 губерньских и областных прокуроров, из них налицо имелось 55, пять должностей оставались вакантными. Послужные списки сохранились на 51 человека. Православных среди них было 43⁷⁷, лютеран — 6, католик — 1, армяно-григориан — 1. По возрасту прокуроры были моложе, нежели другие представители губерньской администрации: от 20 до 40 лет — 22, от 41 до 45 лет — 3, от 46 до 50 лет — 5, от 51 до 55 лет — 12, от 56 до 60 лет — 4, от 61 до 65 лет — 5. Таким образом, очень многие прокуроры были не старше 40 лет, главным образом в возрасте от 26 до 30 лет, а почти $\frac{2}{3}$ не старше 50. По сословной принадлежности прокуроры несколько отличались от других представителей губерньской администрации. Так, детей потомственных дворян было среди них 34 человека, из духовного звания — 5, обер-офицерских детей — 6, остальные 6 принадлежали к различным слоям разночинцев⁷⁸. Прокуроры в основной своей массе были людьми образованными. Высшее образование имели 27 человек, из них окончили училище правоведения 16, среднее образование получили 14, низшее — 2 и домашнее — 8. Следовательно, больше половины прокуроров имели специальное юридическое образование.

Земельной собственностью обладали всего 22 прокурора, из них родовой — 10, домами — 7 и 22 не имели собственности. Следовательно, помещиков среди прокуроров было меньше, чем среди других категорий губерньской администрации. Продолжительность службы губерньских прокуроров была небольшой. Так, 13 занимали эту должность до 1 года и столько же от 1 до 3 лет. Таким образом, более 50% этих чиновников служили в данной губернии менее 3 лет.

В какой степени прокуроры в служебном отношении выделялись из

⁷¹ «Из воспоминаний Н. М. Колмакова». «Русская старина», 1886, кн. 12, стр. 530.

⁷² ЦГАОР СССР, ф. III отд., I экзп., д. 247, ч. 7, л. 5.

⁷³ Там же, ч. 6, л. 1.

⁷⁴ Там же, ч. 26, л. 10.

⁷⁵ Там же. Все эти характеристики относятся к 1845—1847 годам.

⁷⁶ «Казанская старина. Из воспоминаний И. И. Михайлова». «Русская старина», 1899, кн. X.

⁷⁷ В том числе один грузин.

⁷⁸ Из купцов — 1, почетных граждан — 2, канцелярских служителей — 1, кантонистов — 1, из «ученого звания» — 1.

среды других представителей губернской администрации? Им были присущи те же пороки, что и их сослуживцам. Правда, они не крали, так как красть им было нечего, но взятки многие из них брали. Из жандармских характеристик, данных 9 прокурорам (вторая половина 40-х и 50-е годы XIX в.), только одна безоговорочно положительна⁷⁹, о трех прокурорах говорится как о взяточниках⁸⁰. Разумеется, среди прокуроров бывали исключения⁸¹, однако в целом с точки зрения своих служебных качеств они ничем не отличались от других чиновников.

Судебными учреждениями в губернии являлись палаты уголовного и гражданского суда⁸². Во главе палат стояли председатели, избиравшиеся дворянством⁸³. В случае неутверждения избранных кандидатур эти должности замещались по назначению. Из 86 председателей палат на 1 января 1853 г. фактически на месте находились 84 (в двух губерниях эти должности были вакантны). Сохранились послужные списки 51 человека.

Данные о чинах имеются относительно всех 84 председателей судебных палат. Из них 72 имели гражданские, а 12 — военные чины. 40 человек⁸⁴ являлись потомственными дворянами, а среди остальных 11: обер-офицерских детей — 3, из духовного звания — 3, из купцов — 2, детей канцелярских служащих — 1, детей мастеровых — 1, прочих — 1⁸⁵. Из дворян один имел княжеский титул. По вероисповеданию 46 человек были православными, 4 — католиками и один — лютеранином. Из 45 лиц (данными об образовании которых мы располагаем) высшее образование получили 11, среднее — 14, низшее — 3 и домашнее — 17. Если даже считать, что все получившие университетское образование (их было 7) закончили юридический факультет, то и тогда председателей палат со специальным образованием окажется всего 9 (двое окончили Училище правоведения), то есть 20%⁸⁶. Данные о возрасте содержатся в 50 послужных списках⁸⁷: от 26 до 40 лет — 6, от 41 до 45 лет — 6, от 46 до 50 лет — 12, от 51 до 55 лет — 11, от 56 до 60 лет — 8, от 61 до 65 лет — 4, от 66 до 70 — 2, свыше 75 лет — 1. Таким образом, более половины председателей палат были старше 50 лет.

Из 45 председателей судебных палат 35 являлись собственниками земли (у 26 — родовая), один — сын купца — имел недвижимую собственность неизвестного вида⁸⁸, у 9 собственности не было. Размеры име-

⁷⁹ Это характеристика исправлявшего должность владимирского прокурора Д. П. Воскресенского, который, по свидетельству жандармского штаб-офицера, «много занимается своей обязанностью, бескорыстен и любим в обществе» (ЦГАОР СССР, ф. III отд., I экзп., д. 247, ч. 6, л. 29).

⁸⁰ Владимирский прокурор В. А. Навроцкий и два курских прокурора — Лего и Федоров; последние облагали всех уездных стряпчих «налогом» в свою пользу (там же, ч. 6, л. 19; ч. 22, лл. 67 и 71). М. Б. Веселовский в своих воспоминаниях также пишет о взяточничестве нижегородского губернского прокурора: «Он вышел из Училища правоведения, знал дело, но, как говорили, брал» (ОР ГПБ. Записки сенатора М. Б. Веселовского. F IV—861, л. 263).

⁸¹ Так, А. Ф. Кони в своем очерке о Д. А. Ровинском, московском прокуроре, являвшемся участником судебной реформы 1864 г. и крупным деятелем культуры, писал: «История министерства юстиции с тридцатых до шестидесятых годов представляет немало примеров энергичной борьбы губернских прокуроров с местными злоупотреблениями» (А. Ф. Кони. Отцы и дети судебной реформы. М. 1914, стр. 3).

⁸² В Астраханской, Архангельской, Олонешкой, Пермской и Вятской губерниях существовала одна палата — уголовного и гражданского суда.

⁸³ В губерниях, где дворянство отсутствовало, они назначались Сенатом.

⁸⁴ Из них о 38 имеются прямые сведения о дворянском происхождении, у двух оно устанавливается на основе наличия родовой крепостной собственности.

⁸⁵ Сын «бахчисарайского жителя».

⁸⁶ Из 11 лиц, получивших высшее образование, один закончил духовную академию, а другой — медико-хирургическую.

⁸⁷ В одном, являющемся не основным, а дополнительным, возраст не указан.

⁸⁸ Как указывается в послужном списке председателя самарской палаты гражданского суда И. Я. Билибина, «за родителями его в Калужской губернии разное недвижимое имение, какое же оно, о том нет верных данных» (ЦГВИА СССР, ф. 1349 (Коллекция формулярных списков), оп. 5, д. 3443).

ний были следующие: до 10 душ — 3, от 11 до 50 душ — 3, от 51 до 100 душ — 7, от 101 до 500 душ — 15, от 501 до 1 тыс. душ — 6, от 1001 до 5 тыс. душ — 1. Кроме того, трое из них имели ненаселенные земли в размере от 1500 до 3 тыс. дес.: один — 4875 дес. ненаселенной земли; у одного были две писчебумажные фабрики. Следовательно, среди председателей судебных палат преобладали помещики, главным образом среднепоместные.

Из 51 председателя судебной палаты 30 занимали эту должность по выборам, 16 — по назначению, об остальных пяти сведения в формулярных списках отсутствуют. Дворянство относилось несерьезно к выборам на судебные должности. Так, Н. М. Колмаков в своих воспоминаниях писал, «что дворяне выбором лиц в судейские должности не дорожили и не придавали этому никакой важности»⁸⁹. Не удивительно, что избранные дворянством председатели в большинстве своем были невеждами. Из 4 характеристик председателей палат уголовного гражданского суда, служивших по выборам дворянства, которые сохранились, в 3 отмечается неподготовленность названных лиц к занятию данной должности⁹⁰, и только один председатель владимирской уголовной палаты, служивший ранее по выборам уездным судьей, характеризуется положительно⁹¹.

Не удивительно, что при таком руководстве дела в судах находились в запущенном состоянии. Несмотря на серию предписаний министерства, навести порядок в них не удавалось. Н. М. Колмаков рассказывает об одном председателе палаты уголовного суда (занимавшем эту должность по выборам), быстро ликвидировавшем царившую в палате медлительность в отношении рассмотрения дел. «И вот однажды явился в министерство этот председатель и радостно докладывает министру, что все дела решены. «Как же Вы это сделали?» — спросил министр. «Я, Ваше сиятельство,— отвечал председатель-дворянин,— воспользовался особым случаем. В нашем губернском остроге содержатся несколько весьма опытных чиновников; вот я и роздал им дела и мне живо написали все, что нужно». Министр был потрясен. Однако не всегда удавалось столь удачно ликвидировать запущенность в делах. В других случаях применялся более простой способ. Как рассказывает тот же Колмаков, дела, находившиеся в производстве долгое время, просто «прятались от взоров в столах, шкафах, то в архивах в числе решенных дел и, наконец, были такие случаи, как, например, в Курске при ревизии сенатора Е. А. Дурасова в 1850 году, дела одного судебного места оказались потопленными в реке. Сам сенатор с подлежащими властями в лодках [...] наблюдал за извлечением дел из царства Нептуна [...]. Были ли такие и подобные явления,— продолжает Колмаков,— общи и повсеместны? Нет, скажу я. Были и такие палаты и в особенности те, где председатели по назначению от правительства при помощи дельных то-

⁸⁹ «Из воспоминаний Н. М. Колмакова», стр. 528. Далее он приводит факт, происшедший в Калуге во время ревизии сенатора С. И. Давыдова, когда дворяне, как говорится, «смеяла ради громадным большинством» избрали председателем палаты гражданского суда некоего Толмачева, известного «своей простотою, доходившею до невозможности, а об образовании и знании судебного дела и говорить было нечего» (там же).

⁹⁰ Характеризуя председателя владимирской палаты уголовного суда Куломзина, жандармский штаб-офицер пишет: «Служит по выборам и подписывает бумаги, в которых решительно ничего не разумеет» (ЦГАОР СССР, ф. III отд., I эксл., д. 247, ч. 6, л. 6). Подобная характеристика дается и председателю палаты гражданского суда той же губернии Колокольцеву, который «не имеет ни познаний, ни ответственности в делах судебных» (там же, л. 3). Также отрицательно характеризуется председатель гражданского суда Подольской губернии Кроковский, «человек бескорыстный, но характера слабого и самых ограниченных познаний в делах» (там же, ч. 35, л. 17). Все эти отзывы относятся ко второй половине 40-х годов XIX века.

⁹¹ Председатель владимирской палаты уголовного суда Кишкин (там же, ч. 6, л. 52).

варищей вели дела быстро и решали их правильно. Но это были исключения»⁹².

Если главным качеством председателей, избравшихся дворянством, было невежество в области юриспруденции, то председатели-чиновники, назначавшиеся на эту должность, в основном были мздоимцами. Существовавшая в судах «неправда» уже не раз широко освещалась и в специальных исследованиях, и в художественной литературе. Важнее другое: наличие этой «неправды» рассматривалось как нормальное явление, и никаких мер против нее не предпринималось. Свидетельством этого может служить то, что сообщения о мздоимстве на местах не вызывали никакой реакции в III отделении. Так, штаб-офицер корпуса жандармов, находившийся в Полтавской губернии с 1 января 1847 г. до 1 июля 1848 г., каждые полгода доносил о взяточничестве председателя палаты гражданского суда Терещенко⁹³. Однако это не возымело никакого действия.

Анализ состава лиц губернской администрации говорит о том, что во всех звеньях ее господствовало дворянство. При этом большая часть дворян была землевладельцами; наивысший процент помещиков был среди управляющих палатами государственных имуществ. Лишь среди прокуроров помещики составляли менее половины. По образованию наименее просвещенными являлись «хозяева» губерний. Среди них преобладали люди, имевшие домашнее образование. Больше всего лиц, окончивших высшие учебные заведения, числилось среди прокуроров. Это, по-видимому, зависело от возраста: чем моложе были чиновники, тем чаще встречались среди них лица, имевшие высшее и среднее образование. Для чиновников старше 50—55 лет получение систематического образования осложнялось тем, что в России в начале XIX в. почти полностью отсутствовали средние и высшие учебные заведения. По возрасту представители губернской администрации были значительно моложе, нежели высшие чины, состоявшие в Государственном совете, Комитете министров, Сенате и в центральных учреждениях (товарищи министров и директора департаментов).

Анализ деятельности губернской администрации полностью подтверждает сложившееся представление о том, что именно в этом звене в наибольшей степени были распространены самое безудержное беззаконие, казнокрадство, взяточничество, ложь и другие пороки⁹⁴. Эти явления не встречали должного противодействия в верхах. Правительство во главе с Николаем I не в состоянии было предпринять какие-либо серьезные меры для прекращения всеобщего беззакония. В этом проявлялось разложение всей системы феодализма, и в первую очередь его надстройки.

⁹² «Из воспоминаний Н. М. Колмакова», стр. 522.

⁹³ ЦГАОР СССР, ф. III отд., 1 эксп., ч. 36, лл. 31, 34, 37, 40.

⁹⁴ Интересно отметить, что наибольшие злоупотребления происходили в двух ведомствах: министерстве внутренних дел и министерстве юстиции. Так, из 2540 чиновников, находившихся в 1853 г. под судом, 1198 принадлежали к первому, а 741—ко второму (ЦГИА СССР, ф. 1, отд. с. е. и. в. Канцелярии, оп. 2, д. 6829, ч. 349, приложение № 2).